

СТРАННАЯ

КАК ЗАПАДНЫЕ
СОЮЗНИКИ
ПРЕДАЛИ
ПОЛЬШУ

ВОЙНА

1939

Д Ж О Н К И М Х И

Джон Кимхи

**Странная война 1939
года. Как западные
союзники предали Польшу**

«Центрполиграф»

1968

УДК 94(4)"1939/1945"
ББК 63.3(4)62

Кимхи Д.

Странная война 1939 года. Как западные союзники предали
Польшу / Д. Кимхи — «Центрполиграф», 1968

ISBN 978-5-9524-5615-0

В своем исследовании английский историк-публицист Джон Кимхи разоблачает общепринятый тезис о том, что осенью 1939 года Британия и Франция не были в состоянии дать вооруженный отпор фашистской агрессии. Кимхи скрупулезно анализирует документальные материалы и убедительно доказывает нежелание британских и французских правящих кругов выполнить свои обязательства в отношении стран, которым угрожала фашистская Германия. Изучив соответствующие документы об англо-французских «гарантиях» Польше, автор наглядно продемонстрировал, как повели себя правительства этих стран, когда дело дошло до выполнения данных ими обещаний. Историк подчеркивает, что именно двурушничество Запада по отношению к Польше позволило Гитлеру извлечь максимальную выгоду из проводимой им политики умиротворения. В книге приведены сенсационные факты, подтвержденные подлинными документами. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(4)"1939/1945"

ББК 63.3(4)62

ISBN 978-5-9524-5615-0

© Кимхи Д., 1968

© Центрполиграф, 1968

Содержание

Введение	6
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Джон Кимхи
Странная война 1939 года. Как
западные союзники предали Польшу

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2021

* * *

Введение

Безмолвные историки

Среди оставшихся в живых английских и немецких генералов бытует мнение, что немцы проиграли Вторую мировую войну, поскольку посвятили себя определенным решающим сражениям, из которых следовало выйти.

Между тем основная идея данной книги заключается в том, что в ходе войны на всех театрах военных действий самым дорогостоящим и решающим из всех было сражение, в котором не участвовали ни Англия, ни Франция, – несостоявшаяся битва первых трех недель сентября 1939 года.

Она стоила больше человеческих жизней, чем все другие битвы, вместе взятые, – по меньшей мере двадцать миллионов. Эту несостоявшуюся битву фактически игнорировали военные историки, не упоминали политики и оправдывали генералы. Многие существенные факты были, очевидно, изъяты из официальных историй и правительственных архивов союзников; некоторые сведения намеренно фальсифицировались до их представления кабинетам, занятым принятием решений летом 1939 года.

Основные факты несостоявшегося сражения были следующими: в течение второй недели сентября 1939 года, когда война в Польше еще не была завершена, немецкие войска на недостроенной линии Зигфрида Западного фронта насчитывали восемь недоукомплектованных кадровых дивизий и двадцать пять территориальных, резервных и дивизий местной обороны. Таким образом, всего там было тридцать три в основном плохо обученных и слабо вооруженных подразделения, которые можно было назвать разве что сборными силами местной обороны.

У французов, когда они завершили мобилизацию, на западе было восемьдесят пять дивизий. (Здесь существуют некоторые расхождения во мнениях и подсчетах, но даже наименьшая из приводимых цифр – семьдесят две дивизии на западе.)

Более того, значительную часть немецких войск составляли новобранцы, многие из которых ни разу не стреляли боевыми патронами, а их общие запасы боеприпасов были рассчитаны всего на три дня войны. Линия Зигфрида не была достроена и частично не годилась для активной обороны. Донесения немецкой разведки и те, что готовил шеф немецкой разведки на Западном фронте генерал Лисс, показывают, что на западе Германия была опасно незащищенной. Генерал Вестфаль, в то время офицер штаба дивизии на линии Зигфрида, был убежден, что, если бы союзники атаковали в начале сентября, они достигли бы Рейна без особых проблем и, возможно, форсировали бы его без серьезного сопротивления. Однако нет никаких свидетельств того, что возможность такой атаки обсуждалась в английском или французском Генеральных штабах или в правительствах этих стран.

Оба правительства винили в своем бездействии пацифистские настроения общества и нежелание солдат английской и французской армий воевать. Настоящая книга покажет, что это неправда; наоборот, в этих странах оказывалось большое давление на политических руководителей и военных командиров, чтобы вступить в решающее сражение, но политические и военные лидеры не верили в него (или в себя?).

Собранные мной материалы, по моему глубокому убеждению, показывают необходимость фундаментального пересмотра существующих техник и практик прохождения донесений по дипломатическим и разведывательным каналам. В особенности вызывает сомнение ценность дипломатических миссий, которые считались адекватными каналами информации соответствующих правительств.

Возможно, передача точной информации стала слишком сложной политически, чтобы оставлять ее в ведении дипломатов и других несекретных агентов. Страна, которая найдет в себе смелость первой порвать с устаревшими шаблонами дипломатии и шпионажа, не только получит значительные непосредственные преимущества и сэкономит огромные деньги. Она также проложит путь к новому пониманию международных отношений, без которого народы продолжают без необходимости бояться и подозревать друг друга и при случае могут не распознать подлинную опасность, угрожающую им.

Глава 1

Три легенды

Неделя, начавшаяся 7 марта 1939 года и завершившаяся развязкой 15 марта, должна считаться одной из самых странных и разоблачающих в современной истории. Она описывалась с большим количеством подробностей и оправданий, чем любой другой аналогичный период; и все же, когда мы вновь возвращаемся по, казалось бы, знакомой дороге, располагая дополнительными преимуществами в виде официальных, личных и лишь недавно рассекреченных документов, мы неожиданно сталкиваемся с одним абсолютно неопровержимым фактом: современная картина той судьбоносной недели марта нарисована людьми, находившимися в полном неведении относительно ее истинного характера.

Дипломатические службы и разведки англичан и немцев, французов и русских, поляков и швейцарцев не сумели обеспечить подробную, конкретную и, главное, точную информацию, на которой их правительства должны были основывать свои решения и действия. Если открытие архивов тех лет, которые непосредственно предшествовали войне, что-нибудь и показало, то лишь полный провал как дипломатической, так и разведывательной службы в вопросах сбора и передачи информации.

Именно провал этих служб в конечном счете сделал возможной последнюю великую войну – ведь без точной и детальной информации невозможно эффективное предотвращение войны.

Существует другая, и, возможно, даже более опасная, сторона неспособности обеспечить надежную информацию: ее место, как мы увидим, заняли страх – взаимный страх – и преувеличение. Это были основные черты кризиса, который предшествовал началу войны в 1939 году. И все же точная и достоверная информация, как никогда раньше в истории, могла быть доступной для дипломатов и секретных служб тех стран, которых это непосредственно касалось. Она была где-то там, в каналах связи, и нам придется спросить себя, как получилось, что она не дошла до места назначения?

Таким образом, мы пытаемся найти нечто еще более важное, чем ответы на два первоначальных вопроса: было бы возможно военное поражение гитлеровской Германии в первые недели войны в сентябре 1939 года и если да, что этому помешало?

Однако, прежде чем вернуться к решающей мартовской неделе, представляется весьма полезным рассмотреть любопытный комплекс страха, поразивший британское и французское правительство – и поддерживавшие их круги – во время мюнхенского кризиса. Он не был, как мы теперь знаем, определяющим элементом мюнхенского урегулирования, однако дает поучительный пример того, как формировалось правительственное мнение и решения.

Три письма от Тома Джонса, этого «серого кардинала» правительства Чемберлена и газеты «Таймс», сердца газеты «Обсервер» и кливденской клики Асторов, проливают больше света на настроения тех дней, чем том избранных документов.

23 сентября 1938 года Джонс написал своему близкому другу Абрахаму Флекснеру, директору института перспективных исследований Принстонского университета, что англичане не видели возможности войны, так как французские министры «умоляли наших любой ценой ее избежать. Они могли поднять в воздух только 700 самолетов!». Более того, британские министры, ответственные за противовоздушную оборону страны, сэр Сэмюэль Хор и Кингсли Вуд, «знали, что Лондон незащищен перед Германией». Джонс также добавил, что в Лондоне никто не может сказать с уверенностью, на что готовы пойти русские. В конце письма он сделал вывод, что повсюду царит подавленное настроение и стыд и здесь хотели бы знать, могут ли они еще что-то спасти от разгрома.

Спустя два дня, накануне Мюнхенской конференции, Джонс опять написал Флекснеру, что за всеми разговорами и газетными публикациями, за всеми тревогами и отступлениями «стоит страх в сердцах министров в Лондоне и Париже». Небольшой по масштабам опыт испанских событий оказался достаточным, чтобы они стали опасаться за судьбу населения своих больших городов. Джонс отметил, что лорд Брэнд показал ему написанное неделей раньше письмо Линдберга, в котором «тот утверждает, что воздушная мощь Германии больше всех европейских стран, вместе взятых, и что ни мы, ни Франция не смогли бы помешать ей сравнять великие столицы с землей».

Еще четырьмя днями позже, 29 сентября, в день Мюнхена, Том Джонс вновь возвращается к этому предмету в третьем и более разоблачительном письме своему близкому другу. Он лично беседовал с Линдбергом, и этот разговор произвел на Джонса неизгладимое впечатление. «После моего разговора с Линдбергом в понедельник, – пишет он, – я присоединился к тем, кто добивается мира любой ценой, пусть даже унижений, ввиду нарисованной Линдбергом картины нашей относительной неготовности к войне в воздухе и на суше, а также его убеждения, что демократии будут уничтожены полностью и окончательно».

Далее он описывает, как Артур Солтер, один из руководителей либеральной партии и видный деятель Лиги Наций, пришел к выводу, что чехам следует сказать прямо: никакие возможные меры Англии не спасут их от уничтожения. Джонс также рассказывает, как изложил все, что узнал от авторитетных людей, Стэнли Болдуину, и внушил ему, что он «своим сегоднешним обращением к палате лордов, как первоначально было запланировано, мог бы спасти страну от войны». Болдуин стоял «за мир любой ценой». Затем Джонс позаимствовал одну из машин Асторов и послал Линдберга встретиться с Ллойд Джорджем в Черте, «чтобы тот мог из первых рук узнать мнение авиационного эксперта о наших шансах».

Для полноты картины Джонс написал четвертое письмо леди Григг, изложив в нем информацию, которой руководство вооруженных сил снабдило премьер-министра, как основу его позиции на мюнхенских переговорах. Военно-морской флот будет готов к войне через год; армия и военно-воздушные силы – к концу 1941 года. В отношении французов Джонс высказывал мнение, что «если бы был созван французский парламент, то не более десяти сенаторов проголосовали бы за войну. Если бы правительство покинуло Париж с началом бомбардировок, велики шансы на то, что в Париже было бы создано временное коммунистическое правительство. Французский крестьянин готов сражаться в обороне, но не наступать на линию Зигфрида».

Это были вовсе не единичные или экстремистские взгляды. Их разделяли штабисты военно-воздушных сил. Они были склонны поддержать мрачные пророчества Линдберга и политические выводы, которые на их основе сделало правительство Чемберлена. Шолто Дуглас, бывший в то время помощником начальника штаба ВВС, в мемуарах вспоминает свое отношение и реакцию своих коллег по службе. Они не могли понять «тех, кто хотел, чтобы мы пошли на риск войны с Германией во времена Мюнхена». Суровые факты, свидетельствовавшие о слабости военно-воздушных сил Великобритании, в сравнении с люфтваффе, вызывали у него «чувство постоянно усиливавшейся тревоги по мере продолжения политических переговоров в течение тех недель лета 1938 года». Он был убежден, что Англия и особенно Лондон «были открыты для ужасных и, возможно, гибельных ударов со стороны немецких военно-воздушных сил». Находясь в отчаянном настроении, он высказал свои взгляды Сирилу Ньюоллу, своему шефу, который разрешил ему изложить их перед штабом ВВС. Они легли в основу оценки, подготовленной для министра, сэра Кингсли Вуда, который в свою очередь передал документ кабинету. «Имея в виду эту важную информацию, Чемберлен должен был выбрать линию поведения для себя в мучительных переговорах, которые закончились в Мюнхене», – напоминает нам Шолто Дуглас.

Болдуин, Линдберг и штаб ВВС – это было тяжелое бремя, с которым Чемберлен ехал в Мюнхен. Они внушили ему то, что он и ожидал от них услышать: первую из легенд – более высокая подготовленность Германии к войне на суше и в воздухе.

Более того, кульминацией серии докладов, подготовленных британскими начальниками штабов для комитета имперской обороны, стал тезис о неготовности Англии к войне. Ее вооруженным силам и промышленности требуется больше времени для перевооружения, а французы не готовы вести наступательные операции против Германии ни на суше, ни в воздухе.

Французы также получили обращение Линдберга. Командующий военно-воздушными силами генерал Вюймен был ошеломлен информацией Линдберга. Он сообщил своему премьер-министру Даладье накануне его отъезда на конференцию в Мюнхен, что после первых дней войны Франция останется без военно-воздушных сил. В Мюнхене представитель Геринга генерал Боденшатц отвел в сторону помощника французского военно-воздушного атташе Поля Стелена (который был также агентом *Deuxième Bureau*) и сказал ему, что военно-воздушные силы Германии готовы нанести молниеносный удар (ему нравилось это слово) по Чехословакии. У чешских границ сосредоточены две тысячи боевых самолетов. Они уже много недель готовятся к операции. Бомбы подвешены. Цели определены. Экипажи отработали каждую деталь операции. Немцы готовы принять и возместить до пятидесяти процентов потерь, но все поставленные цели будут уничтожены.

Стелен передал уверенность Боденшатца французской делегации и после мюнхенского соглашения отметил, что немецкой авиации не нужно было даже вступать в бой. Было достаточно простой угрозы, чтобы держать Европу в состоянии мучительного беспокойства, что, можно сказать, явилось решающим фактором в дипломатических победах Германии. Эта угроза позволяла Германии осуществлять захваты, не прибегая к войне. Немцы не без оснований были довольны люфтваффе, как инструментом своей политики.

В это время нацистских руководителей занимали совсем другие проблемы. Они не думали о бомбардировке Лондона или Парижа. Им надо было предотвратить катастрофу ближе к дому. Высшее руководство вооруженных сил разделилось, и часть его проявляла открытую нелояльность к Гитлеру. Одни планировали арест и свержение Гитлера, другие стремились получить гарантии, что Германия не окажется вовлеченной в войну ни с Францией, ни с Англией. Донесение об обстановке, данное начальником штаба оперативного руководства Верховного командования вермахта генералом Йодлем на Нюрнбергском процессе, следует сравнить с более ранней оценкой англичан и французов. 4 июня 1946 года адвокат Йодля доктор Экснер спросил своего подзащитного, верил ли он, что конфликт Германии с Чехословакией мог быть локализован.

Йодль ответил, что был убежден в этом. «Я не мог себе представить, – сказал он, – чтобы фюрер, учитывая положение, в котором мы находились, вступил в конфликт с Англией и Францией, который привел бы нас к немедленному краху».

Он обсудил этот вопрос с генералом Штюльпнагелем 8 сентября 1938 года, когда тот явился к Йодлю, обеспокоенный тем, что Гитлер может отойти от первоначально намеченной позиции и позволит себе втянуться в военные действия, несмотря на угрозу французской интервенции. Йодль разделял опасения Штюльпнагеля. Его беспокоила слабость немецкой позиции. «Не могло быть и речи, – заявил Йодль на процессе, – о том, чтобы удержаться против сотни французских дивизий, имея только пять боевых и семь резервных дивизий на западных оборонительных сооружениях, которые являли собой не что иное, как огромную строительную площадку. С военной точки зрения это было невозможно», – добавил он.

Эту точку зрения разделял Фабиан фон Шлабрендорф, один из основных оставшихся в живых участников попыток сместить Гитлера. Шлабрендорф был убежден, что нет никакого риска в бескомпромиссной позиции западных держав летом 1938 года. Оккупация немцами Австрии в марте 1938 года показала, утверждает он, что немецкая армия не была готова

в то время вести большую войну, «особенно если такая война означала военные действия на нескольких фронтах». По мнению Шлабрендорфа, даже нападение на одну Чехословакию поставило бы немцев перед серьезными трудностями; у них все еще не было необходимого вооружения и техники для прорыва чешских пограничных оборонительных сооружений.

«Если бы Англия и Франция вступили в войну в то время, когда немцы были заняты боевыми операциями против чехов, нет сомнения, что последовало бы очень быстрое поражение Германии». Шлабрендорф убежден, что ситуация была известна британской секретной службе, и он не может поверить, что Чемберлен и его правительство не были в свое время проинформированы об этом.

Генерал фон Манштейн, который не был связан с движением, желавшим избавиться от Гитлера, позднее подтвердил именно такое военное прочтение ситуации. На Нюрнбергском процессе (9 августа 1946 года) он заявил, что, если бы война началась в 1938 году, немцы не смогли бы успешно защитить ни «нашу западную, ни польскую границу». У него не было никаких сомнений, что, «если бы Чехословакия защищалась, мы были бы остановлены ее оборонительными сооружениями, так как не имели средств для их прорыва». Сам Гитлер, когда впоследствии ознакомился с системой обороны чехов, признал, что немецкие армии столкнулись бы с серьезной опасностью, и теперь он понял, почему его генералы настаивали на сдержанности. Однако, в отличие от своих генералов, Гитлер понимал менталитет своих главных противников в Лондоне и Париже.

Британский министр иностранных дел лорд Галифакс рассказывал своему другу, настоятелю Вестминстерского собора, что он никогда не читал «Майн кампф». Более того, он не делал тайны из своего намерения, став министром иностранных дел после отставки Идена в феврале 1938 года, сделать все возможное, «чтобы, не переходя границ чести, предотвратить войну», которую, по его убеждению, Англия в то время проиграла бы наверняка. В те месяцы между Мюнхеном и роковой неделей в марте Галифакс в переписке со своими послами много рассуждал о последствиях отсутствия адекватной военной мощи для поддержания твердого курса для британской внешней политики. 1 ноября 1939 года он сказал своему послу в Париже Эрику Фиппсу, что «отныне мы должны считаться с германским превосходством в Центральной Европе». Это было точным отражением взглядов правительства непосредственно после Мюнхена. В глубине души они все еще верили, что мир возможен, и успокаивали себя – и страну – контролируемые мерами перевооружения.

Ключ к пониманию ситуации лежит в двойственном характере английского перевооружения. Его цель была строго оборонительной; перестраховкой на тот случай, если в будущем не оправдаются правительственные надежды на мирные намерения немецкой политики в отношении Англии. Ни до, ни после Мюнхена перевооружение не преследовало цели бросить вызов господствующему положению Германии в Центральной Европе – что бы ни случилось. Еще более существенным для нашего исследования является выяснение вопроса: произошли ли какие-либо значимые изменения в таком подходе после оккупации немцами Чехословакии.

Это снова возвращает нас к той мартовской неделе 1939 года, когда весь страх, неосведомленность, дезинформация и тревога о сохранении мира «любой ценой» завершились рядом вроде бы не связанных между собой событий, которые подготовили условия – вопреки предыдущим стремлениям к обратному – к конфронтации с Германией. В начале недели ни у кого из членов кабинета не было тревожных предчувствий. Военный министр Лесли Хор-Белиша вносил последние штрихи в подготовленную оценку состояния армии, которую он собирался представить парламенту в среду, 8 марта и в которой даже не упоминалось слово «Германия». Министр внутренних дел Сэмюэль Хор был занят подготовкой речи перед своими избирателями на ежегодном собрании в Челси в пятницу, 10 марта. Он собирался сделать несколько ссылок на заметное улучшение в международных отношениях и по этому поводу советовался

с премьер-министром. Чемберлен рекомендовал ему развенчать взгляд, что война неизбежна, и подчеркнуть большие возможности для сохранения мира.

Премьер-министр лично устроил конфиденциальный инструктаж для прессы в четверг, за день до того, как Сэмюэль Хор должен был произнести свою обнадеживающую речь в Челси. Чемберлен сказал корреспондентам, что в Европе наконец «наступает период спокойствия»¹ и имеются хорошие перспективы скорого соглашения по разоружению. Хор в своем выступлении был более экстравагантен. Он рисовал картину встречи глав европейских государств, Сталина и Гитлера, Муссолини, Чемберлена и Даладье, которые совместно разработают основы «для новой золотой эры мира». В дополнение он осудил «паникеров», которые опасаются перспективы войны. Теперь очевидно, что ни Чемберлен, ни Хор не имели намерений ввести в заблуждение общественность; они сами верили в то, о чем говорили. Кабинет министров не предвидел никаких неприятностей². После этой весьма обнадеживающей пресс-конференции премьер-министр уехал на выходные на рыбалку. Министр иностранных дел отбыл на отдых в Оксфорд. Пресса восприняла намеки сведущих людей Уайтхолла. Газеты приветствовали новые веяния и видели в предстоящем визите в Германию президента совета по торговле Оливера Стэнли еще один шаг по пути урегулирования серьезных разногласий в Европе.

На самом деле постоянный заместитель министра иностранных дел сэр Александр Кадоган только что получил обнадеживающее личное письмо от британского посла в Берлине сэра Невила Гендерсона, написанное 9 марта, вместе с совершенно секретным обзором англо-германских отношений. Гендерсон отметил в своем письме, что он все еще слышит «дикие рассказы об атаках в разных направлениях, но я, откровенно говоря, не верю ни одному слову. Пока мы будем спокойно заниматься подготовкой нашей обороны, все будет, по моему мнению, хорошо. Считаю, что немцы сами остро нуждаются в мире». После возвращения из Оксфорда министр иностранных дел сразу же ответил Гендерсону личным письмом. 13 марта он написал, что он тоже почувствовал «ослабление негатива»: утихли слухи и страхи; и у него не сложилось впечатления, что «правительство Германии планирует причинение вреда в каком-либо конкретном месте». Однако в конце он мимоходом выразил надежду, что немцы в момент написания этого письма «не проявляют нездоровый интерес к словацкой ситуации».

Это был до странности безмятежный ответ, если учесть, что в субботу 11 марта, двумя днями ранее, уже после того, как пресса сообщила об обнадеживающем повороте событий, и наутро после оптимистичной речи Хора в Челси, старший офицер разведки при министерстве иностранных дел принес сэру Александру Кадогану тревожную информацию. Он сообщил, что из надежных разведывательных источников ему стало известно о планируемой немцами оккупации Чехословакии «в ближайшие 24 часа». Сэр Кадоган выслушал информацию, но, судя по всему, не был ни убежден, ни потрясен неминуемостью угрозы. Он переговорил с министром иностранных дел, очевидно передав ему свои сомнения, так как Галифакс решил ничего не предпринимать и продолжал отдыхать. Чемберлен также был поставлен в известность, и также он решил не позволить столь неправдоподобной новости помешать его рыбалке. Нет никаких свидетельств тревоги ни у начальника имперского Генерального штаба, ни у французов. Когда 15 марта немцы оккупировали Прагу, все они были удивлены. Ничего подобного

¹ *Пакт о вооружении может быть подписан после летних переговоров* – таков был обнадеживающий заголовок на первой полосе «Дейли экспресс» в пятницу. «Таймс» тем утром тоже писала о заметном улучшении международного положения. (Здесь и далее примеч. авт.)

² 19 февраля Чемберлен написал своей сестре: «Вся информация, которую мне удалось получить, вроде бы указывает на мир». Тремя днями позже, выступая в Блэкберне, он сказал, что торговля существенно улучшилась после речи немецкого канцлера, в которой он выразил надежду на мир и скорое окончание войны в Испании. Чемберлен добавил, что есть и другие знаки, позволяющие ему думать, что в 1939 году торговля будет продолжать улучшаться и ей не будут мешать политические тревоги. Он согласился с «герром Гитлером», что кооперация между двумя их народами определенно станет удачным решением для всего мира. Он пошел еще дальше и сказал, что «ничего не может в большей степени способствовать установлению мира во всем мире».

они не ожидали. Механизмы дипломатической и разведывательной связи каким-то образом не сработали. Надо сказать, что не было нехватки в разговорах и предостережениях, однако они или не достигли ушей нужных людей, или им никто не поверил.

Здесь снова – как и позже – следует четко установить источник ошибки. Информация достигла министерства иностранных дел. Французы тоже были проинформированы. Это нам известно из дневника Кадогана. Почему же информация не была проверена; почему не были приняты меры предосторожности; почему ни Чемберлен, ни Галифакс не придали ей должного значения? В конце концов, после Мюнхена прошло шесть месяцев. Напрашивается вывод, что не только Чемберлен и Галифакс, но и весь кабинет и большинство руководителей вооруженных сил не хотели верить информации относительно угрозы уничтожения Чехословакии и нарушения мюнхенского соглашения. Имеющиеся материалы не позволяют сделать иной вывод, и в значительной степени это относится и к положению во Франции. Французы, пожалуй, получили более точную информацию от своего посольства в Берлине. Они никак не могут утверждать, что не знали о намерениях Гитлера. И все же, как и их британские коллеги, они отказались верить.

Это было отражено в передовице газеты «Таймс» через сорок восемь часов после того, как секретная служба предупредила сэра Александра Кадогана в министерстве иностранных дел о том, что немцы собираются в поход. «Если что и отличает этот год от предыдущего, – писала „Таймс“ утром в понедельник, 13 марта, – то лишь знание, что Германия выполнила свои требования к соседям, которые, по их собственному признанию, не могли их сознательно оспаривать, и все же не смогли удовлетворить, когда путь к мирному урегулированию еще оставался открытым».

Мюнхенское решение считалось трагичным, но справедливым. Не было никаких оправданий для начала войны против Германии. Такова была основа готовности правительства пойти на переговоры. «В сентябре начало войны уже не сдерживали ни недостаток военных ресурсов, ни недостойное нежелание со стороны правительства», – объясняла «Таймс». Это, утверждала газета, было абсолютно неправильно, но было также неверно предполагать, дома или за границей, что быстрый прогресс в перевооружении привел к изменению британских целей. Периодически проявлялась готовность к переговорам, и газета призывала британское правительство к «более широкой формулировке» своей политики мира, которая послужила бы основой сплочения всех людей доброй воли.

Газета «Таймс» не была одинока в своем оптимистическом подходе к мартовским идам. Британский посол возвратился в Берлин в середине февраля после «серьезной болезни», в подлинности которой ему стоило большого труда убедить Риббентропа. Он хотел, чтобы немцы поверили, что его болезнь вовсе не была дипломатическим приемом выражения Британией своего отвращения к еврейскому погрому в ноябре прошлого года. Немцы приветствовали возвращение посла и всячески подчеркивали это. А посол, в свою очередь, сообщил в Лондон о твердых симптомах мирных намерений в высших правительственных кругах, миролюбивых оттенках в речах Гитлера и добавил свои личные заверения, что немцы не предпримут никаких поспешных авантур, хотя Мемель и Данциг придется возвратить рейху. Судя по всему, не было чрезмерной озабоченности будущим Чехословакии³.

Насколько далеки от реальности были подобные предположения, можно судить по серии приказов, изданных имперской канцелярией в течение нескольких недель после мирного урегулирования в Мюнхене. Первым из них явилась «Временная директива», изданная Гитлером 21 октября 1938 года. Она предписывала вооруженным силам и экономическим министерствам впредь «в любое время» быть готовыми ликвидировать остатки Чехословакии и оккупир-

³ Гендерсон сообщил, что посоветовал Риббентропу и Герингу игнорировать критику шумной оппозиционной прессы в Лондоне и враждебное отношение к Германии Черчилля и его окружения: они не имели веса.

ровать Мемель. Они должны также быть готовы ко всем случайностям, возникающим в связи с обороной границ и защитой от неожиданного воздушного нападения. Но центральной темой оставалась Чехословакия. «Мы должны быть готовы в любое время разгромить остатки Чехословакии, если ее политика станет враждебной по отношению к Германии... Целью является быстрая оккупация Богемии и Моравии».

Четырьмя неделями позже, 24 ноября 1938 года, Гитлер издал свое «первое дополнение» к директиве от 21 октября. Оно было подписано Кейтелем: фюрер приказал, кроме обстоятельств, упомянутых в директиве, «осуществить необходимые приготовления для внезапного занятия свободного города Данциг». Через три недели Гитлер добавил еще одно указание к директиве. Подготовка к ликвидации Чехословакии должна продолжаться, но только «исходя из предпосылки, что не ожидается сколь бы то ни было серьезного сопротивления».

Наконец, 13 марта, в день, когда газета «Таймс» опубликовала успокаивающую редакционную статью, Риббентроп послал предупреждение немецкому посольству в Праге о необходимости быть наготове и принять меры, чтобы все сотрудники посольства оказались недоступны, если чехословацкое правительство захочет с кем-либо связаться.

Из Будапешта регент Венгерского королевства адмирал Хорти в тот же день телеграммой «сердечно поблагодарил» Гитлера. Он проинформировал фюрера, что все необходимые распоряжения сделаны. «В четверг, 16 марта, произойдет пограничный инцидент, за которым в субботу последует главный удар». Хорти закончил свое сообщение новыми благодарностями и заверениями в своей «непоколебимой дружбе и признательности». В тот же день Гитлер в продолжительном разговоре по телефону со словацким премьером Тисо потребовал, чтобы тот объявил о независимости Словакии, тем самым ускорив чешский кризис.

Быстрое нарастание кризиса отражалось в течение всего конца недели в материалах прессы и радио Германии, Польши и Чехословакии⁴. Немецкие, словацкие, чешские и венгерские войска пришли в движение. Одна словацкая миссия прибыла в Варшаву, другая – в Будапешт; правительства распускались и назначались. В этой суматохе в Берлин прибыл верховный комиссар Лиги Наций, очень проникательный швейцарский профессор Буркхардт. В воскресенье, 12 марта, он навестил своего старого друга, главу немецкого министерства иностранных дел Эрнста фон Вайцзеккера, который сообщил ему, что завершены последние приготовления для оккупации Праги. На следующий день они снова встретились, и Вайцзеккер довольно подробно обсудил возможные последствия планируемой оккупации Чехословакии для Польши, Данцига и Мемеля. Буркхардт немедленно доложил о содержании этих бесед своему шефу в Женеве, политическому директору секретариата Лиги Фрэнку Уолтерсу.

Через два дня Буркхардт выслушал подробный рассказ о дальнейших намерениях Гитлера в Чехословакии, Данциге и Мемеле, нацистского президента данцигского сената Артура Грейзера. Буркхардт еще раз доложил об этом Уолтерсу, а тот в свою очередь проинформировал министерство иностранных дел в Лондоне.

Необычной чертой в ходе событий этой недели было то, что немцы почти ничего не предпринимали для сохранения их в тайне. Значительная часть информации о передвижениях войск, сообщения об удивительно неосторожных разговорах высокопоставленных чиновников, явные свидетельства уже знакомого ритма вторжения – все это было обязано дойти до британских и французских секретных служб, министерств иностранных дел этих стран и посольств в Берлине и Праге, не говоря уже о говорливом дипломатическом мире Варшавы и Будапешта. Тем не менее – и это представляется необъяснимым – британское правительство было шокировано и застигнуто врасплох. Муссолини, разумеется, тоже. Однако общепринятое мнение некоторых наших наиболее выдающихся современных историков, будто Гитлер

⁴ В парижской газете «Журналь де Деба» в четверг 9 марта был напечатан подробный рассказ об агрессивных намерениях Гитлера в марте, который впоследствии перепечатывала континентальная неонацистская пресса.

сам был поражен неожиданным поворотом событий и приказал оккупировать Чехословакию, так сказать, под влиянием момента, не подкрепляясь убедительными фактами. Свидетельства показывают, что мартовский кризис был заранее тщательно продуман и подготовлен. Его не предвидели ни Чемберлен, ни его друзья. Его влияние на английского премьер-министра было, однако, не совсем таким, каким было воспринято общественностью. После всех этих событий между Чемберленом и Гитлером еще имело место некое общение, которое сильно заинтриговало и поставило в тупик Гитлера и осталось для него загадкой до конца его дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.